

Хуа Цяньгу горько улыбнулась:

- На самом деле, я должна была догадаться об этом давным-давно. Как мог обычный ученый знать так много вещей и странных техник?

Дунфан Юйцин дотронулся до пучка волос на ее голове и тихо сказал:

- Ты винишь меня за то, что я скрывал это от тебя?

Хуа Цяньгу покачала головой:

- У тебя были свои причины. Неважно, кто ты такой, ты - это ты, и для меня это не имеет значения.

Дунфан Юйцин со смешком в глазах произнес:

- Мне нравится твоя выдержка, поэтому я никогда не беспокоился о том, что моя личность будет раскрыта.

Хуа Цяньгу повернула голову и яростно ущипнула Танбао:

- Но ты, мелкая гусеница, посмела следовать за ним и скрывать это от меня так долго, это непростительно!

- У-у-у... Я была неправа, папа, спаси меня! - Танбао поспешно спряталась за шеей Дунфан Юйцина.

Дунфан Юйцин улыбнулся, чувствуя непреодолимое желание всегда быть с ними вместе, как семья. Однако, было уже слишком поздно.

- Я помню, когда я впервые увидела тебя, ты был одет в длинный плащ и маску с длинным языком, как у большой летучей мыши, что меня достаточно напугало, а потом ты притворился педантичным и глупым ученым, чтобы одурачить меня!

- А как насчет тебя? Ты дала мне корзину дикой редьки, выкопанной на кладбище, а потом я увидел, как ты купаешься в речке...

Хуа Цяньгу покраснела и сердито бросила:

- Так ты сделал это нарочно!

Дунфан Юйцин горько улыбнулся.

- Из-за того, что я увидел твое тело, я несу за тебя ответственность. В качестве компенсации я помог тебе вернуть божественные орудия, разделил твои заботы и облегчил твои тяготы. Обещаю, что позабочусь о тебе и буду охранять тебя всю оставшуюся жизнь.

Хуа Цяньгу задрожала всем телом и опустила голову.

- Твоя компенсация слишком велика. Храм Истлевших Чудес понёс большие убытки.

Дунфан Юйцин тихо вздохнул.

- Однако сейчас я могу помочь тебе только в вопросе Ни Мань Тянь. Я продумал множество способов обезвредить яд Бай Цзы Хуа, но это все равно бесполезно...

Хуа Цяньгу обомлела, хотя она внутренне была готова к этому, сердце отозвалось болью. Если даже настоятель храма Истлевших Чудес говорит так, значит, надежды действительно нет.

Увидев ее мгновенно поникший взгляд, Дунфан Юйцин сильно нахмурился, на мгновение замолчал, а потом продолжил.

- Ты хочешь, чтобы Ни Мань Тянь сохранила это в тайне, или просто хочешь убить её, и дело с концом? - Дунфан Юйцин сказал это так же просто и естественно, словно интересовался, где они будут сегодня обедать.

Хуа Цяньгу была ошеломлена и внезапно вспомнила слова Бай Цзы Хуа: «Навыки, которым я научил тебя, не предназначены для убийства!»

- Конечно, будет лучше, если можно будет сохранить тайну, не убивая ее, но как она может промолчать? - Ни Мань Тянь не заслуживала смерти, но в то время она была действительно беспомощна, чтобы что-то предпринять. Точно так же, как курица, которая хочет защитить своих цыплят, она не смогла контролировать себя, когда подумала о том вреде, который Ни Мань Тянь могла причинить людям, которых она любит, в будущем.

Дунфан Юйцин улыбнулся.

- Ты забыла, чем я занимаюсь? Я не могу контролировать людей, но все языки людей в этом мире находятся под моим контролем. Если какой-то язык посмеет ослушаться, я... - Дунфан Юйцин вынул из-за пазухи золотой кинжал, похожий на змею: - Отрежу его!

Глаза Хуа Цяньгу расширились.

- Ты же на самом деле не хочешь отрезать ей язык и сделать ее немой, не так ли? - Для Ни Мань Тянь, если ей отрезать язык, это всё равно что быть мертвой. - Даже если она больше не сможет говорить, она все еще сможет писать, жестикулировать и общаться с помощью внутреннего голоса! Ты же такой умный, а сейчас сглупил.

Дунфан Юйцин погладил ее по голове:

- Не волнуйся, я разберусь с этим.

Хуа Цяньгу внезапно почувствовала облегчение. В течение последних дней её не покидало чувство тревоги. Ощущение, что её шантажируют, было действительно неприятным.

Ни Мань Тянь находилась в своей комнате в Чертоге Алчности, читая два секретных руководства, которые старший наставник дал ей для победы на Собрании Священных Мечей. Когда она думала о том, что Хуа Цяньгу будет подчиняться ей отныне, она была очень взволнована.

Внезапно она почувствовала, что кто-то стоит у нее за спиной.

- Кто тут? - она поспешно обернулась.

Как мог кто-то проникнуть в ее комнату так, чтобы она ничего не заметила?

Прежде чем она успела закрыть рот, она почувствовала, как что-то прохладное скользнуло ей в горло. В это мгновение всё её тело парализовало.

- Ты... Ты - Дунфан Юйцин! - Ни Мань Тянь со страхом посмотрела на человека, стоявшего перед ней. Это был красивый ученый, который внезапно появился на горе Тайбай и помог Хуа Цяньгу победить Куан Е Тяня и вернуть божественное орудие.

Если только... Неужели Хуа Цяньгу попросила его убить ее?!

Ни Мань Тянь закричала: «Как ты смеешь прикасаться ко мне? Когда она попыталась убить меня на Собрании Священных Мечей, я знала, что этот день настанет. Я уже спрятала платок и написала письмо с помощью заклинания. Если я умру, письмо сразу попадет в руки старшему и благородному наставникам!»

Дунфан Юйцин посмотрел на нее и мягко улыбнулся. И все же эта улыбка была похожа на улыбку дьявола в глазах Ни Мань Тянь. Где Хуа Цяньгу встретила такую кучу странных людей?!

- Будь умницей. Открой рот!

Ни Мань Тянь широко раскрыла глаза и была потрясена, обнаружив, что ее рот медленно открылся против ее воли.

- Вот, правильно. Ты такая послушная. Теперь высунь язык.

Дунфан удовлетворенно кивнул и достал маленький золотой змеевидный кинжал.

Ни Мань Тянь была в ужасе и отчаянно пыталась покачать головой. Однако другие части ее тела абсолютно не слушались её, и она не могла использовать магию.

Нет, нет! Что этот человек пытается с ней сделать? Неужели он хочет отрезать ей язык, чтобы заставить замолчать? Он и правда думает, что это остановит ее?

Хуа Цяньгу, ты действительно порочна! Я, Ни Мань Тянь, не отпущу тебя, даже если превращусь в привидение!

Когда Ни Мань Тянь в страхе закрыла глаза, Дунфан Юйцин использовал нож, чтобы уколоть свой средний палец, и нежно коснулся ее языка своим окровавленным пальцем. Она только почувствовала сильную сладость, поднимающуюся вверх, и каждая часть ее тела затрепетала от этого приятного ощущения.

Как может чья-то кровь быть такой сладкой? Даже воздух был наполнен тошнотворно-сладким ароматом. Дело было не только в запахе, даже ее разум размягчился.

Руки Дунфан Юйцин нарисовали несколько знаков в воздухе, и он пробормотал что-то себе под нос. Строки золотого текста, похожие на священные писания, вылетели из его рта, как призраки, и проникли в лоб Ни Мань Тянь.

- Что ты со мной сделал? Отпусти меня! Отпусти меня! Шифу! Шицзу [1]! Спасите меня! - в панике закричала Ни Мань Тянь. Однако вокруг них был воздвигнут барьер.

[1] Шицзу - учитель наставника.

- Куда ты положила платок?

Я тебе не скажу. Почему я должна тебе говорить? И все же она услышала свой собственный голос:

- В шкатулку для драгоценностей на столе.

Дунфан Юйцин повернулся, чтобы взять её. Ни Мань Тянь кипела от злости.

- Скажи мне, что ты ни в коем случае никому не расскажешь секрет Хуа Цяньгу.

Ни Мань Тянь смотрела на странную улыбку Дунфан Юйцина, внимала его волшебному голосу, и ее тело дрожало. Впервые она обнаружила, что в мире есть такой ужасный человек. Если старший наставник и Сюань Юаньлан вызывают у людей чувство подавленности, то этот человек полон таинственной и фантастической ауры, которая заставляет людей невольно тонуть и тонуть в его голосе, в его глазах и в его улыбке, а затем всем телом и душой охотно подчиняться ему.

- Я... я ни в коем случае никому не расскажу секрет Хуа Цяньгу, - услышала она свой собственный голос. Этот голос был таким чужим, словно не принадлежал ей.

- Ты никому не расскажешь, что с тобой сегодня случилось.

- Я никому не позволю узнать... что случилось со мной сегодня, - Ни Мань Тянь отчаянно прикусила нижнюю губу, но прерывистые слова все еще вырывались из ее горла. Каждое произнесенное слово превращалось в золотой текст, парящий в воздухе, а затем он был перенесён на кусок белого шелка, вынутый Дунфан Юйцином.

- Отлично, молодец! - Дунфан Юйцин коснулся пальцами ее лба, запечатав эти тайные слова в ее сознании. Затем он нанёс на ткань красный отпечаток, и всё исчезло в мгновение ока.

Дунфан Юйцин снова положил белый шелк в матерчатый мешочек и с улыбкой спросил:

- Ты тоже поставишь печать?

Ни Мань Тянь смотрела, как ее рука неудержимо скользнула по лезвию золотого ножа и оставила отпечаток на матерчатом мешочке.

Дунфан Юйцин удовлетворенно кивнул.

- Что ж, контракт заключен, тогда я ухожу.

Дунфан Юйцин сделал два шага и снова обернулся, глядя на нее с нежным и безобидным выражением.

- Ты причинила вред моей Сяо Гу, верно? Как это может быть? Разве ученики не должны относиться друг к другу с любовью? Больше не издевайся над моей Сяо Гу, ладно?

Сказав это, он поднял руку и легонько постучал Ни Мань Тянь по подбородку. Ни Мань Тянь почувствовала, как весь ее рот затрясся, а нижняя челюсть потеряла всякую чувствительность. Ее язык онемел еще больше.

- Поскольку я не бью женщин, на этот раз я наказал тебя за небольшое преступление, чтобы помешать совершить большее. Надеюсь, следующего раза не будет!

Дунфан Юйцин развернулся и ушел.

Через некоторое время тело Ни Мань Тянь, наконец, смогло двигаться. Она в панике побежала на поиски Ло Ши И, но тот уже побежал в Чертог Безучастия, когда услышал, что Танбао вернулась. Старший наставник занимался делами в кабинете. Ни Мань Тянь долго разговаривала с ним и обнаружила, что пока она пытается говорить о Хуа Цяньгу и Дунфан Юйцине, ее язык не слушается ее собственной команды, и она также не может этого написать.

Даже ее вкусовым рецепторам потребовался целый месяц, чтобы восстановиться.

Когда Дунфан Юйцин вернулся и передал шелковый платок Хуа Цяньгу, она была так взволнована, что чуть не подпрыгнула.

- Как ты получил его обратно?

Дунфан Юйцин коротко рассказал ей о случившемся, и Хуа Цяньгу кивнула с понимающим видом, хотя и не совсем поняла его.

- Неудивительно, что наставник сказал, что Лань Юй Ланьфэн не сможет ничего рассказать. С самого начала у сестры наготове был хитроумный план. Теперь можно не беспокоиться. Пришло время назвать цену. Ты спас меня и Шифу в прошлый раз, пока я могу это дать, я отдам тебе всё, что угодно, и сделаю всё, что ты захочешь!

Дунфан Юйцин покачал головой:

- Цена в прошлый раз была уплачена Танбао, поэтому я так долго оставался в храме Истлевших Чудес, прежде чем вернуться. В тот раз Храм задолжал тебе и теперь вернул долг.

Хуа Цяньгу только сейчас вспомнила, что в то время настоятель Храма сказал, что может помочь ей решить три проблемы, значит, сейчас осталась одна.

- Однако ты и раньше очень помог мне на горе Тайбай.

- В то время я был Дунфан Юйцином, а не настоятелем Храма Истлевших Чудес. Это была моя свобода делать то, что я хотел.

Хуа Цяньгу трогательно посмотрела на него, не зная, что сказать.

- Сяо Гу, я хочу, чтобы ты пошла со мной сейчас, но ты определенно не пойдешь.

- Я хочу остаться с учителем.

- Его время на исходе.

- Поэтому я должна оставаться с ним подольше. Если я смогу поддержать его ещё хотя бы день, пусть так.

- Зачем беспокоиться, если однажды он умрет?

Хуа Цяньгу слабо улыбнулась и опустила голову:

- Я уже примирилась с этим. Учитель сказал, что жизнь и смерть – всё это ложь, и люди, ступившие на путь самосовершенствования, не должны цепляться за жизнь, поэтому незачем горевать. Неважно, кем я буду - бессмертной, человеком или призраком - я просто должна остаться с ним навсегда.

На лице Дунфана Юйцина появилось печальное выражение, которого она никогда раньше не видела. Иногда действительно нехорошо знать слишком много и видеть слишком ясно.

- Хорошо, этому стоит поучиться. Эти упрямство и настойчивость один в один, как у твоего учителя. Я знаю, что если он умрет, ты не сможешь жить. В твоих глазах жизнь и смерть так же просты, как выращивание редиски, где можно выкопать яму и закопать ее, но задумывалась ли ты когда-нибудь о том, что тогда будет с Танбао? А со мной?

Хуа Цяньгу на некоторое время была ошеломлена. Когда она поняла свои чувства к Шифу, она также немного поняла чувства Дунфана Юйцина к ней.

Дунфан Юйцин прошелся взад-вперед по комнате, выглядя немного расстроенным. Теперь пути назад не было, и у него вообще не осталось выбора.

- На самом деле есть небольшая надежда, что яд, которым отравился Бай Цзы Хуа, можно вылечить...

<http://tl.rulate.ru/book/26661/2386077>